

Дмитриева Н.М., Линтовская Е.М.
Оренбургский государственный университет
E-mail: orencentrslav@yandex.ru

ЭТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ XI–XIX ВЕКОВ)

Концепт «любовь» является этически значимым базисным концептом этической концептосферы русской языковой картины мира. Несмотря на то, что концепт «любовь» активно изучается в современной лингвистике, его этический смысл и его связь с другими концептами в диахронии освещены мало.

Этическая нагрузка концепта «любовь» восходит к христианской идее и раскрывается при обращении к церковнославянскому языку, запечатлевшему в «первозданном виде» систему ценностей русского народа. Анализ этической нагрузки вербализаторов концепта на материале толковых словарей церковнославянского и русского языков разных периодов позволил проследить этические изменения в семантике доминантных дериватов.

Изучение данных энциклопедического словаря «Этика», научных работ, словаря церковнославянского языка дало возможность установить этическую смысловую долю концепта: «благо, дарованное Богом и заключающееся в умении сострадать и творить добро». Исходя из христианского понимания любви и анализа значений доминантных вербализаторов в разные периоды, можно утверждать, что концепт «любовь» входит в ядро этической концептосферы русской языковой картины мира и обнаруживает связь с концептами: благо, добро, терпение, милосердие, кротость, смирение, мудрость, целомудрие, радость, истина, вера, надежда, мужество и др. Идея соединения в концептуальном поле любви отсылает к соборности, выступающей структурообразующим концептом русской этической концептосферы.

Исконно любовь делится на божественную (любовь к Богу) и земную (любовь к ближнему). Значимость концепта подтверждается большим количеством дериватов, что вовлекает в зону концепта новые понятия. С другой стороны, такое широкое применение вербализаторов концепта приводит к их десакрализации и, соответственно, снижению этической значимости, а иногда и к ее потере. Например, появление дериватов «любовина» (чистое, хорошее мясо, без жиру или костей и сухожилия), «любовщина» (любое, что полюбилось, на выбор; куриное или свиное мясо, остающееся на сале, по срезке его) в XIX веке.

Семантическая доля «охотно, с пристрастием» в старославянском / церковнославянском и древнерусском языках четко разделяет привязанности человека как добродетельные и греховные, что практически исчезает в современном языке: любоблаготворный (расположенный к милосердию), любобожественный (боголюбивый, боголюбивый), любомудренный (любомудрый, благочестивый), любосмирный (любящий смирение) и т. п.; любобранный (пристрастный к войне), любосластець (который поработился похотям плотским и погряз в сквернах телесных), люботълесне (слишком большая забота о теле) и др. Эта особенность в понимании концепта сохраняется и в XIX веке.

Любовь как привязанность между двумя людьми разных полов делится на «дозволенную», «законную», по старославянским представлениям – «земную» (любой – любезный, любимый, возлюбленный, милый, нравный; любовники – влюбленные друг в друга, чета, любящаяся или состоящая в супружеских отношениях), и на греховную, жестко осуждаемую: любодеть (впасть в блудный грех), любострастие (предание себя на волю плотских побуждений; впадение в скотское состояние) и др.

На протяжении всего развития языка прослеживается связь концепта «любовь» с другими этическими концептами. Этическая нагрузка многих вербализаторов концепта снижается, но не исчезает.

Ключевые слова: этическая нагрузка, смысловая доля, концепт, концептосфера, вербализатор, дериват, ментальность, языковая картина мира, любовь.

С этической точки зрения, в самом общем смысле «любовь» – это отношение к кому-либо или чему-либо как безусловно ценному, объединение и соединенность с кем-то или чем-то. Идея соединения в концептуальном поле любви отсылает к соборности, выступающей структурообразующим концептом русской этической концептосферы. По данным этического словаря, любовь воспринимается как благо (одна из высших ценностей), а в более узком смысле

любовь – это отношение к другой личности [10]. Кроме того, в поле концепта входят разнообразные эмоциональные состояния, связанные с привязанностью или страстью к различным вещам, состояниям и опытам, например, сластолюбие, сребролюбие, властолюбие, любомудрие и т. д.

Несомненно, любовь занимает центральное положение в этической системе ценностей русской ментальности, о чем свидетельствует,

в том числе, обращение к данному концепту в трудах современных лингвистов (А. Вежбицкая, А.А. Зализняк, И.А. Иванова, В.В. Колесов, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев и др.). Большинство исследователей сходятся во мнении, что система духовно-нравственных ценностей русской культуры сформировалась на основе христианских идей, главная из которых – «Бог есть любовь».

Обратимся к истокам этической значимости концепта, то есть к церковнославянскому / старославянскому языкам.

В словаре церковнославянского языка среди вербализаторов нет слова «любовь». Этот факт можно объяснить, обратившись к этимологии слова, которую подробно описал Ю.С. Степанов. Исследователь указал на связь глаголов «любить» и «улыбаться» (улюбити – полюбить кого-то или что-то), при этом, по мнению Ю.С. Степанова, раньше существовал глагол неактивного состояния **҃ЛЮБѢТИ** в значении «понравиться, полюбиться», но из-за фонетического сходства **ЛЮБИТИ** и **ЛЮБѢТИ** последний по форме и семантике «влился в первый» [9, с. 419]. Кроме того, слабость глаголов любви в русском языке отражает невыраженность самого концепта, о чем свидетельствует распространенное в народном быту употребление глагола «жалеть» вместо «люблю». «Жалеть – глагол того же спряжения, что др.рус. **ЛЮБѢТИ**, но передает не само чувство любви, а физическое ощущение от него, его след в душе» [9, с. 419]. Существо же концепта передает имя, которое может выступать и как прилагательное, и как наречие, и как «имя любви». Отметим, что использование концепта в качестве имени собственного подтверждает высокую значимость его в системе ценностей. Ю.С. Степанов указывает также, что концепт «любовь» развивался по той же семантической модели «взаимных отношений двух лиц», что и концепты «слово», «вера». «Любовь» представляется как уподобление друг другу и строится по модели: а) взаимное подобие двух людей, б) установление или вызывание этого подобия действием, в) осуществление цикла действий по кругу, где «адресантом» и «адресатом» выступают попеременно оба участника.

Эти особенности русского концепта «любовь», вслед за Ю.С. Степановым, отмечает в диссертационном исследовании И.А. Иванова.

Автор обращается и к семантическим различиям слов, репрезентирующих концепт на разных этапах развития языка, от старославянского / церковнославянского до современного состояния, однако, в целом, принцип изучения концепта И.А. Ивановой отличается от принятого в данной работе, что позволяет нам проследить изменение этических смысловых долей концепта «любовь» по выработанной нами схеме (см. ниже).

Отметим, что указанная выше «структура любви» характерна в большей степени для одного, хотя и самого распространенного ее понимания, а именно «влечение мужчины и женщины». Так, в энциклопедическом словаре «Этика» в начале отмечены «эротические или романтические (лирические) переживания, связанные с сексуальным влечением и сексуальными отношениями с другим человеком» и «особого рода душевная связь между любовниками или супругами». Указанные значения отражают современное понимание концепта. Значения, имеющие этическую нагрузку, перечисляются на последнем месте. Это проявления земной любви, то есть любви к ближнему: «привязанность и забота в отношениях к родным и родственникам, а также к близким людям – родственным душам»; «благожелательность и милосердие в отношении к другому как ближнему». «Божественная любовь», как она понимается исконно, имплицитно выражена в значении: «восхищение и благоговение перед авторитетом – человеческим (индивидуальным или коллективным) или сверхъестественным» [10].

Этический смысл русского концепта «любовь» основан, как мы уже сказали, на христианском понимании и подробно раскрывается в Послании ап. Павла к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. <> Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. <> А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше» (Послание ап Павла к Кор, 13: 4–13). Таким образом, концепт «любовь» обнаруживает связь с базисными

концептами этической концептосферы русской языковой картины мира: долготерпит – терпение, милосердствует – милосердие, не превозносится, не гордится, не бесчинствует – кротость и смирение, не мыслит зла – добро, благо, мудрость, целомудрие; сорадуется истине – радость, истина; верит – вера, надеется – надежда, все переносит – мужество.

Т.И. Вендина на материале старославянского языка делает значимый вывод о том, что любовь в понимании средневекового человека была сущностным атрибутом Бога и различалась на божественную (любовь к Богу) и земную (любовь к ближнему). Кроме того, Т.И. Вендина говорит о сострадательной любви Бога к человеку, так как Христос человеколюбив, и любовь его объемлет всех, и об истинной любви, которая являлась источником высокой духовной любви, воссоединявшей человека с Богом, уподоблявшей человека Богу в стремлении делать добро [2, с. 229]. В сознании средневекового человека, считает Т.И. Вендина, и земная любовь понималась как «возвышенное, святое чувство, дарованное как благо, ниспосланное человеку Богом», при этом любовь мыслилась как духовная связь человека с людьми, которым он страдает [2, с. 229–230]. Авторы книги «Ключевые идеи русской языковой картины мира» отнесли эти виды любви к «альтруистической» в противовес «эгоистической», служащей для удовлетворения себя [5]. Таким образом, этический смысл любви можно резюмировать как **«благо, дарованное Богом и заключающееся в умении сострадать и творить добро»**.

Как отмечают авторы «Энциклопедического словаря «Этика», христианская концепция любви, выдвигает на первый план самопожертвование, заботу, дарение. Христианская милосердная любовь не является следствием личной симпатии или восхищения другим; в ней актуализируется доброта человека, потенциально содержащаяся в нем и до встречи с данным конкретным человеком. Наиболее существенным в христианском понимании любви является то, что она включает в себя также прощение и любовь к врагам [10]. Итак, доминантный этический концепт «любовь» в его христианском понимании тесно связан с концептами: добро, милосердие, смирение, терпение, истина, радость, счастье, мужество и др., – и раскрывает

сеть «скрытых» слов-концептов: жалость, жертва, забота, вечность, нравиться, нравственность и др. В этот же ряд можно включить «знание». Развивая новозаветные представления о любви, Августин соединяет их с мистической способностью познания, то есть Богопознания, а значит, и миропознания, поскольку через Бога постигается мир, поэтому познание основано на любви. По утверждению Августина: «Мы познаем в той мере, в какой любим. Это не познание разумом, это познание сердцем» [10].

Рассмотрим этические смыслы доминантных вербализаторов концепта «любовь» в церковнославянском языке.

Как уже было сказано, лексема «любовь» в словаре церковнославянского языка отсутствует, в нем указывается лексема **«ЛЮБЫ»** в значении «любовь» и значительное число дериватов с этим корнем, содержащих этическую смысловую долю и подчеркивающих связь «любви» с базисными этическими концептами русской языковой картины мира: **ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ** (исполненный любви), **ЛЮБВЕБЛАГОУТРОБНЫЙ** (расположенный к милосердию), **ЛЮБВЕОЖЕСТВЕННЫЙ** (боголюбивый, боголюбезный), **ЛЮБВОЛЪЗНЕННО** (с терпением, с удовольствием перенося болезни и напасти), **ЛЮБДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ** (который любит добродетели), **ЛЮБДОБРОЛЮБЪНЪ** (любящий честь, нравственность), **ЛЮБДОТЪВСТВЕННЫЙ** (внимательно хранящий девство, целомудренный), **ЛЮБОМЪДРЕННЫЙ** (любомудрый, благочестивый), **ЛЮБОСМИРЕННЫЙ** (любящий смирение), **ЛЮБОСТРАДАЛЕЦЪ** (любитель, почитатель мучеников) и др. [4].

Встречаются в церковнославянском языке и лексемы, обозначающие любовь земную: **ЛЮБЕЗНИВЫЙ** (любезный, достойный любви), **ЛЮБЕЗНО** (усердно; понемногу, умеренно; как должно, прилично, благоговейно; по любви, любвеобильно; усердно, ревностно; с великим удовольствием), **ЛЮБЕЗНЫЙ** (дружественный, благосклонный; желательный, вожденный), **ЛЮБИМИЧЪ** (любимец, друг), **ЛЮБЛЕНИКЪ** (друг, приятель, любимый человек) [4].

Значительное количество сложных слов имеют значение «привязанность к земному, материальному», что, как и в старославянском языке, не находило одобрения и более того, относилось к грехам: **ЛЮБОВБРАННЫЙ** (пристрастный к войне), **ЛЮБОСЛАСТЪЕ** (лакомство),

лювосластець (который поработился похотям плотским и погряз в сквернах телесных), **люботѣлесіе** (слишком большая забота о теле), **лювоначаліе** (желание быть начальником), **люво-мрачный** (омраченный греховную тьмою), **люво-вещественный** (пристрастный к мирским суетам, прикрепленный к вещественному) и т. д. Мы насчитали более 30 единиц с корнем *любо-*, определяющих любовь к атериальным, земным удовольствиям как грех. **Люводѣяник** и его дериваты осмыслились как преступление, осквернение божественной любви, как и в старославянском языке [2, с. 231].

Другая часть сложных слов указывает на положительную привязанность, если она отвечает евангельским заповедям: **любезновмѣцати** (с усердием внимать, с удовольствием слушать), **любезномолвний** (любящий безмолвие), **люботрѣдно** (трудолюбиво, тщательно, прилежно), **люботрѣждатися** (охотно подвизаться, упражняться, трудиться в чем) и т. п. [4].

Отметим, что и в первом и во втором случаях корень *люб-* имеет значение «охотно, с пристрастием», но в первом случае он расценивается отрицательно, а во втором, наоборот, – положительно, то есть сложные слова как бы регулируют пристрастия человека. Кроме того, сложные слова свидетельствуют о связи концепта «любовь» с концептами: «слово», «тишина», «труд», «страдание», «мудрость», «честь» и др.

Итак, в церковнославянском языке, вслед за старославянским, отразилось понимание любви божественной и земной (к ближнему), о чем свидетельствуют не только лексемы, в которых имплицитно выражена этическая смысловая доля «**благо, дарованное Богом и заключающееся в умении сострадать и творить добро**», но и сложные слова, «регулирующие» привязанность и пристрастия человека.

В древнерусском языке доминантный вербализатор «любовь» объединяет в себе и божественную и земную любовь (любовь, привязанность, благосклонность к кому-л.; склонность; вечери любви, общие трапезы у древних христиан); а также пристрастие к земному, материальному (пристрастие, приверженность к чему-л.; страсть, влечение к лицу другого пола). Выделяется новая семантическая доля, которую можно расценить и как часть божественной, и как часть земной любви: мир, согласие, мирный договор.

Среди дериватов встречаются лексемы, имплицитно содержащие этическую смысловую долю: **любовожество** (любовь к богу), **любово-вратия** (братская любовь), **люבודарливый** (склонный к щедрости), **люבודовродѣтельный** (украшенный любовью к добродетели; тот, кто любит добродетель), **люבודоврота** (любовь к доброте), **люботворный** (творящий любовь, создающий согласие) **любезненный** (исполненный любви), **любезный** (внушающий любовь, уважение, приятный, достойный; дорогой, милый; возлюбленный), **любественое** (любовь, благосклонность), **любитися** (любить друг друга, быть в дружбе; нравиться), **любление** (любовь, преданность, приверженность), **лювити** (испытывать глубокую привязанность, расположение к кому-л.; чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л.; быть довольным, испытывать удовлетворение от чего-л.) [8].

Сложные слова в древнерусском языке продолжают традицию старославянского/церковнославянского языков, то есть определяют привязанность к чему-либо как положительную или как отрицательную: **любовживотный** (дорожащий жизнью), **любомудрие** (любовь к знанию, мудрости; философия; искусство, тонкое знание какого-л. дела; мудрствование, умствование) или **любезночестный** (честолобивый) и др. [8].

О существовании понимания любви как чувственных отношений свидетельствуют слова: **любезнивый** (любящий, исполненный любви; имеющий склонность, пристрастие, приверженность к чему-л.; чувствительный, чувственный), **любити** (испытывать влечение к лицу другого пола; целовать, ласкать; любоваться), **любитися** (пристрастие; любовные отношения), при этом прелюбодеяние остается тяжелым грехом: **любовлядивый** (пустой, никчемный), **люводѣй** (развратник, распутник) [8].

В XIX веке наблюдается четкая дифференциация божественной и земной любви и пристрастий, значения которых закрепляются, в основном, за разными дериватами, кроме доминантных вербализаторов: любовь (состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; *вожделение; охота, расположение*

к чему-л.) и любить (чувствовать любовь, сильную привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желание, хотенье, избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею, не рассудком, иногда и вовсе безотчетно и безрассудно) [3].

Среди вербализаторов, имеющих наиболее высокую этическую нагрузку, можно выделить: любящий (способный любить, одаренный горячим и нежным нравом, желающий любить), любительно (по любви, любя, с любовью, дружелюбно, доброжелательно), любкий (склонный к любви, горячий сердцем по любви, по расположению к добру), любчий (любящий, дружелюбный), любодружный (приветливый, дружелюбный, доброжелательный), любодружий (к милому другу относящийся), любвеобильный (полный любви, любовный) [3].

Отметим, что, как и в предыдущие периоды, значительную этическую нагрузку несут сложные слова, обладающие, как правило, положительной коннотацией: любострадалец (страдающий со смирением и любовью), любомилостивый (милосердный), любосмирение (любовь ко смирению; соединенье смирения с любовью; смиренный, исполненный смирения по любви), любомолчание (молчаливость, малословие), любомудрие (мудрость, наука достижения премудрости, т. е. понимание назначения человека и долга его, слияния истины с любовью), любощедрый (щедролобивый, щедрый, чивый; тороватый) [3].

Сюда же можно отнести любовь как страсти к чему-либо правильному, душеполезному: любознание, любознательность (дельное любопытство, любовь к наукам, к познаниям, желание поучаться), любомудрие (в значении: философия, наука отвлеченности или наука о невещественных причинах и действиях), любословие (любовь к слову, к речи, к изучению языков и сродства их; филология; языковедение) [3].

Ряд этически значимых дериватов открывает связь любви и других базисных для русской ментальности этических концептов: милосердие, мудрость, благочестие, честь, щедрость, смирение, страдание.

Как и в предыдущие периоды, в XIX столетии осуждаются греховные привязанности: любоначалие (властолюбие, желанье начальство-

вать), празднoлюбие, любопрение (склонность к беседам спорным, к словопрению), любостяжанье (корыстолюбие, жадность к богатствам, алчность, ненасытность) и т. д. [3].

Любовь как привязанность между двумя людьми разных полов делится на «дозволенную», «законную», по старославянским представлениям – «земную», и на греховную. Первую обозначают дериваты: любиться (любить друг друга; о любви половой), любленик (возлюбленный, милый, любимый человек), любый (любезный, любимый, возлюбленный, милый, нравный), любовник (влюбленные друг в друга, чета, любящаяся или состоящая в супружеских отношениях). Ко второй относятся лексемы: любонеистовый (бесноватый любовью, похотями), любовничать (амуриться, волочиться, влюбляться взаимно), любодействие любодеяние (блуд), любодеять (впадать в блудный грех), любодей (живущий в незаконной плотской связи), любосластный (сластолюбивый, сладострастный), любострастие (предание себя на волю плотских побуждений; впадение в скотское состояние), любострастные болезни (от плотских похотей происходящие; сифилитическая, венерическая, французская, дурная, нехорошая, постыдная) [3].

Удивительным в этот период в понимании концепта «любовь» являются значения, свойственные словам: любовинное или любовина, любовчина (чистое, хорошее мясо, без жиру или костей и сухожилия), любовщина (любое, что полюбилось, на выбор; куриное или свиное мясо, остающееся на сале, по срезке его), любец – мясная привала для раков, мясо для приманки их. Можно предположить, что границы поля концепта к этому времени значительно расширились, и именно в этот период в зону любви стало возможным включать все предпочтительное. Данное предположение подтверждает существование таких вербализаторов, как любо (по нраву, нравно, приятно, угодно, пригоже; утешительно, весело), любой (который, при свободе выбора, лучше нравится; избираемый по вкусу, по желанью; взятый на выбор), любок (любая вещь, любое, что выбрано), любки (свобода, воля выбора; положение, где делаешь любое, что хочешь из двух или более предложений) [3].

Таким образом, этический смысл русского концепта «любовь» основан на христианском понимании и может быть сформулирован как **«благо, дарованное Богом и заключающееся в умении сострадать и творить добро»**. Со временем этическая нагрузка многих вербализаторов концепта значительно снижается, но не исчезает.

На протяжении всего развития языка прослеживается связь концепта «любовь» с другими этическими концептами, прежде всего «милосердием», «мудростью», «целомудрием», «страданием» и др. Кроме того, базисный для русской языковой картины мира концепт «любовь» связывает сеть концептуальных этических понятий: «забота», «дружелюбие», «сострадание», «жалость», «благоговение»,

Список литературы:

1. Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. – М.: Яз. слав. культ., 2001. – 288 с.
2. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
3. Верещагин, Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические изыскания / Е.М. Верещагин. – М.: Индрик, 2001. – 608 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль – 6-е изд., стереотип. – М.: Дрофа; Рус.яз. – Медиа, 2011. – Т. 2. – 779 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль. – 6-е изд., стереотип. – М.: Дрофа; Рус.яз. – Медиа, 2011. – Т. 4. – 683 с.
6. Дмитриева, Н.М. Этически значимая лексика в поэтическом цикле Б. Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго» / Н.М. Дмитриева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – №4 (140) апрель. – С. 45–49.
7. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2001. – 720 с.
8. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб.ст. / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев – М.: Яз.слав.культуры, 2005. – 540 с.
9. Иванова, И.А. Концепт любовь и его концептосфера в истории русского языка : автореф. дис... канд. филол. наук / И.А. Иванова – М., 2006.
10. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Выпуск 8. – 1981. – 351 с.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Выпуск 25. – М.: «Наука», 2000. – 273 с.
13. Срезневский, И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. / И. Срезневский. – Т. 1. – М.: Книга, 1989.
14. Срезневский, И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. / И. Срезневский. – Т. 3. – М.: Книга, 1989.
15. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 2001.

Сведения об авторах:

Дмитриева Наталья Михайловна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru

Линтовская Елена Михайловна, аспирант направления «Филология» программы «Русский язык» Оренбургского государственного университета 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru